

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 86—111.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 86—111.

Научная статья

УДК 930.1:94(4)''1919/27''

EDN <https://elibrary.ru/razord>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.5

Научная специальность ВАК

5.6.2. Всеобщая история

5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

АГО ФОН МАЛЬЦАН: СТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВЕТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Степан Павлович Хрулев

Ивановский государственный университет,

Иваново, stepanhrulyov@yandex.ru,

SPIN-код: 7814-6308, <https://orcid.org/0009-0004-1287-6429>

Аннотация. Жизнь и деятельность известного германского дипломата Аго фон Мальцана еще не становилась в отечественной историографии предметом специального исследования. Выходец из семьи потомственных аристократов, ведущих историю с конца XII века, он получил хорошее юридическое образование, однако выбрал дипломатическую карьеру. До Первой мировой войны А. фон Мальцан служил в германских посольствах Бразилии, Норвегии и Китая. Именно тогда оформились его базовые подходы к выполнению поставленных задач: устанавливать личные доверительные отношения с важными лицами в стране пребывания; получать максимум знаний о жизни государства, в котором служишь или с которым работаешь; уметь маневрировать в условиях противостояния нескольких политических сил и, главное, ставить практические задачи выше абстрактных политических идей.

У Мальцана еще до Первой мировой войны возникали трения с политическим руководством кайзеровской Германии по международным вопросам. Кровавая бойня убедила дипломата в отсутствии у элиты Второго рейха и у немецких обывателей внешнеполитического реализма.

© Хрулев С. П., 2025

Он достаточно рано осознал, что его страна войну проиграет, и на заключительном этапе войны и сразу после окончания боев попытался сделать максимум возможного для минимизации потерь, которые его страна неминуемо могла понести.

После подписания Версальского договора ведущим направлением усилий А. фон Мальцана стало советское направление. Он пытался использовать отношения с Москвой для получения определенных преференций в отношениях с Антантой. В 1919—1921 годах германский дипломат вместе с «полулегальным большевистским полпредом» в Берлине Виктором Коппом сделал немало для налаживания диалога Веймарской Германии и Советской России. Позже Мальцан сыграл ведущую роль в подготовке знаменитого Рапалльского договора, подписанного в апреле 1922 года. Соглашение нормализовало отношения Берлина и Москвы. Дипломату при подготовке договора удалось привлечь на свою сторону рейхсканцлера Й. Вирта и министра иностранных дел В. Ратенау, заручиться поддержкой влиятельных военных, деловых и политических кругов Германии.

Мальцан, радуя за развитие связей с советским государством, оставался последовательным противником коммунизма и неоднократно выступал против действий III Интернационала. Однако, критикуя Коминтерн, он предпринял значительные усилия по нормализации отношений с СССР во время конфликта вокруг советского полпредства в 1924 году. В конце того же года Мальцана направили послом в США. В 1927 году карьеру дипломата оборвала авиакатастрофа.

Ключевые слова: Аго фон Мальцан, дипломат, Веймарская республика, Версальский договор, Генуэзская конференция, Рапалльский договор, советское торгпредство в Берлине, конфликт 1924 года

Для цитирования: Хрулев С. П. Аго фон Мальцан: становление дипломата и основные этапы деятельности на советском направлении // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 86—111.

Original article

AGO VON MALZAN: THE FORMATION OF A DIPLOMAT AND MAIN STAGES OF ACTIVITY IN THE SOVIET DIRECTION

Stepan P. Khrulev

Ivanovo State University, Ivanovo, stepanhrulyov@yandex.ru,
SPIN: 7814-6308, <https://orcid.org/0009-0004-1287-6429>

Abstract. The life and work of the famous German diplomat Ago von Maltzan has not yet become the subject of a special study in Russian historiography. Coming from a family of hereditary aristocrats, whose history dates back to the end of the XII century, he received a good legal education, but chose a diplomatic career. Before the First World War, A. von Maltzan served in the German embassies of Brazil, Norway and China. It was then that his basic approaches to fulfilling his tasks took shape — to establish personal trusting relationships with important people in the host country; to gain maximum knowledge about the life of the state in which you serve or work; to be able to maneuver in the face of confrontation between several political forces and, most importantly, to put practical tasks above abstract political ideas.

Even before the First World War, Maltzan had friction with the political leadership of Kaiser Germany on international issues. The bloody massacre convinced the diplomat of the lack of foreign policy realism among the elite of the Second Reich and the German common people. He realized early enough that his country would lose the war, and at the final stage of the slaughter and immediately after the end of the fighting, he tried to do everything possible to minimize the losses that his country could inevitably suffer. After the signing of the Treaty of Versailles, the leading direction of A. von Maltzan's efforts became the Soviet direction. He tried to use relations with Moscow to obtain certain preferences in relations with the Entente. In 1919—1921, the German diplomat, together with the "semi-legal Bolshevik plenipotentiary" in Berlin, Viktor Kopp, did a lot to establish a dialogue with Weimar Germany and Soviet Russia. Later, Maltzan played a leading role in the preparation of the famous Treaty of Rapallo, signed in April 1922. The agreement normalized relations between Berlin and Moscow. During the preparation of the treaty, the diplomat managed to attract Reich Chancellor J. Wirth and Foreign Minister W. Rathenau to his side, and enlist the support of influential military, business and political circles in Germany. Maltzan, while advocating for the development of ties with the Soviet state, remained a consistent opponent of communism and repeatedly spoke out against the actions of the Third International. However, while criticizing the Comintern, he made significant efforts to normalize relations with the USSR during the conflict over the Soviet embassy in 1924. At the end of that year, Maltzan was sent as ambassador to the United States. In 1927, a plane crash cut short the diplomat's career.

Keywords: Ago von Maltzan, diplomat, Weimar Republic, Treaty of Versailles, Genoa Conference, Treaty of Rapallo, the Soviet trade mission in Berlin, the conflict of 1924

For citation: Khrulev S. P. Ago von Maltsan: the formation of a diplomat and the main stages of activity in the Soviet direction, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 86—111 (in Russ.).

Введение

Актуальность темы. Германо-российские отношения уже на протяжении двух веков определяют внутривосточный климат Европы. Тем не менее кризисы в двусторонних отношениях двух государств не были редкостью. Сильнейший удар по ним был нанесен Первой мировой войной, что привело к разрыву дипломатических отношений. Стоит отметить, что нынешние отношения ФРГ и РФ также переживают кризисную стадию. На этом фоне изучение деятельности Аго фон Мальцана по налаживанию нормальных дипломатических отношений между Берлином и Москвой представляется нам достаточно актуальным, так как, по нашему убеждению, установление взаимовыгодных и тесных германо-российских отношений является залогом стабильности в Европе и мире. Актуальность данной работы также заключается и в том, что личность и деятельность немецкого дипломата недостаточно изучены как в зарубежной, так и в отечественной литературе.

Историографический обзор. В отечественной историографии к деятельности Аго фон Мальцана обращались А. А. Ахтамзян, Л. П. Белковец, С. В. Белковец, В. Л. Черноперов и др. А. А. Ахтамзян видел в А. фон Мальцане выразителя идеи политического реализма — сторонника независимости германской внешней политики от внешнеполитического курса стран Антанты [Ахтамзян, 1974]. Л. П. Белковец в двух статьях¹ отмечала, что А. фон Мальцан с 1919 года убеждал коллег в крепости советской власти и возможности развивать с ней экономические связи. Воплощением этого подхода стали его интенсивные контакты с представителем РСФСР в Берлине В. Л. Коппом. Отдельного внимания заслуживает вывод Л. П. Белковец и С. В. Белковца о движущих силах при заключении Рапалльского договора. По их мнению, именно решительный и независимый А. фон Мальцан, в отличие от слабохарактерного и нерешительного министра иностранных

¹ Включая подготовленную в соавторстве с С. В. Белковцом [Белковец Л., 2013; Белковец Л., Белковец С., 2017].

дел В. Ратенау, сыграл, с немецкой стороны, ведущую роль в заключении этого германо-советского договора.

Многokrатно к контактам Мальцана с Коппом в период становления отношений Берлина и Москвы в 1919—1921 годах и во время конфликта вокруг советского торгпредства в Берлине в 1924 году обращался в своих публикациях и докторской диссертации В. Л. Черноперов [Черноперов, 2005; Его же, 2007]. В работах этого исследователя Мальцан предстает взвешенным, умным и прагматичным дипломатом, единственным желанием которого был выход Германии из международной изоляции. Автор отмечает при этом, что важным связующим звеном Берлина и Москвы были не только общие экономические интересы, но и наличие общего врага в лице Польши и стоящей за ней Франции.

Из зарубежных специалистов к участию Мальцана в международной жизни обращались Дж. Кеннан [Kennan, 1962], К. Розенбаум [Rosenbaum, 1965], Р. Дебо [Debo, 1992] и др. Большинство авторов согласны в том, что Мальцан из сотрудников германского МИДа для Москвы был наиболее приемлемой фигурой, удобным посредником при переговорах между правительствами Веймарской республики и Советской России.

В завершение краткого историографического обзора отметим, что в настоящее время самым обстоятельным трудом о дипломатической деятельности Мальцана является диссертация Н. Джореса «Архитектор Рапалло. Немецкий дипломат Аго фон Мальцан в Германской империи и в начале Веймарской республики», защищенная в Гейдельбергском университете [Joeres, 2005]. Джорес, скрупулезно восстанавливая хронологию дипломатического пути А. фон Мальцана и описывая его многогранную и продуктивную работу, приходит к оценкам, которые схожи с теми, что давали немецкому дипломату российские специалисты. Джорес также видит в Мальцане умеренного и прагматичного политика, начисто лишённого фанатизма и дипломатического идеализма, всегда опирающегося только на факты.

Историографический обзор показал, что в историографии, особенно в отечественной, существуют пробелы в изучении дипломатической деятельности А. фон Мальцана. Частично заполнить лакуну призвана настоящая статья.

Постановка вопроса. Цель настоящей работы – изучить профессиональное становление германского дипломата Аго фон Мальцана и его работу на советском направлении. Для достижения данной цели следует решить следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть становление А. фон Мальцана как дипломата;
- исследовать его работу во время Первой мировой войны;
- изучить деятельность А. фон Мальцана по становлению германо-советских отношений в 1918—1921 годах;
- выяснить роль этого дипломата в заключении Рапалльского договора;
- исследовать участие А. фон Мальцана в разрешении кризиса вокруг берлинского торгпредства СССР в 1924 году;
- обобщить материал по данной проблематике.

Историческими источниками при подготовке настоящего материала стали публикации документов и мемуаров.

Методология и методы исследования

Представленная работа имеет свои методологические особенности, продиктованные ее историко-биографической сущностью. Характер работы обусловил выбор следующих методов исторического исследования. Культурно-антропологический метод позволил рассмотреть личные профессиональные взгляды А. фон Мальцана. Идеографический, или нарративный, метод способствовал раскрытию Мальцана как уникальной личности в политической жизни Германии. Метод периодизации позволил не только разделить дипломатическую деятельность и жизнь немецкого дипломата на этапы, но и выделить в каждом из них наиболее значимые годы. Проблемно-хронологический метод способствовал вычленению проблем, над решением которых Мальцан работал на том или ином временном этапе.

Основная часть

Родословная, образование и начало дипломатической деятельности

Адольф Георг фон Мальцан родился 31 июля 1877 года в Мекленбурге в семье ветерана франко-германской войны Ульриха фон Мальцана и представительницы небогатой еврейской семьи из Познани Адельхейт Бирбаум. Род Мальцанов известен, как минимум, с конца XII века, в его генеалогическом древе

прослеживается несколько отдельных домов и линий. Будущий дипломат принадлежал к дому Гроссе Луцков — владельцев одноименной усадьбы на севере Германии. Для того чтобы отличить себя от многочисленных кузенов с таким же именем, Мальцан еще в юности создал аббревиатуру Аго, представлявшую собой первые три буквы его имени — Адольф Георг Отто [Joeres, 2005: 33]. Получив прекрасное домашнее образование, он продолжил обучение в элитной гимназии в Любеке, после окончания которой поступил в Боннский университет на юридический факультет, совмещая учебу и военную службу. С 1901 по 1905 год Мальцан работал в районных и земельных судах, проходя практику у различных нотариусов и адвокатов [Ibid.: 35], но юридическая карьера мало привлекала молодого и амбициозного Аго. Его единственной целью стало поступление на дипломатическую службу. Последнее удалось ему без особых проблем, учитывая аристократическое происхождение, военную службу и блестящее образование. В возрасте 29 лет, сдав все необходимые экзамены, он был принят в штат министерства иностранных дел Германской империи.

В 1906 году Мальцана назначили секретарем дипломатических миссий Второго рейха в Рио-де-Жанейро. Отношение к немцам в Бразилии было достаточно прохладным. Ситуация осложнялась поведением кайзера Вильгельма II, его имперскими замашками и бесцеремонностью, хорошо известной даже в Южной Америке [Ibid.: 36]. Мальцан начинает упорно трудиться над изменением имиджа своей страны. Здесь впервые проявляется следующее качество его личности — умение устанавливать личные дружеские и доверительные отношения с коллегами и, главное, с ведущими политиками страны пребывания. Мальцану удалось сблизиться с министром иностранных дел и министром обороны Бразилии. Опираясь на приобретенные связи, германский дипломат стал препятствовать появлению антикайзеровских публикаций в местной прессе, выступать арбитром при решении частных конфликтов между немцами и местными жителями, добился выгодного договора о покупке бразильцами оружия, произведенного на военных предприятиях Круппа [Ibid.: 38].

Работа Мальцана далеко не всегда находила поддержку в Берлине. Политическая верхушка Второго рейха смотрела на далекую южную страну с изрядной долей высокомерия, отказываясь

подписывать с ней равноправные договоры и соглашения. В этой ситуации Мальцан пытался убедить германское руководство в том, что подобный подход к внешней политике чреват для Германии международной изоляцией. Но его не слышали [Ibid.: 39]. Так первый раз обозначилось размежевание между политикой Мальцана и магистральным внешнеполитическим курсом кайзеровского МИДа.

Несмотря на позицию Берлина, Аго фон Мальцан остался верен своим принципам, что продемонстрировал после перевода в Норвегию. На новом месте работы он быстро наладил доброжелательные отношения с премьер-министром Кристианом Микельсеном. Завоевав расположение политической верхушки страны, Мальцан предпринял максимум усилий по укреплению связей двух стран.

Норвегия в период появления Мальцана оказалась на пересечении интересов всех ведущих стран мира. Это объяснялось ее важным геостратегическим положением и неясностью внешнеполитического курса страны. Дело в том, что Норвежское королевство только в 1905 году обрело независимость, расторгнув унию со Швецией, и внешняя политика Норвегии находилась в стадии формирования. В этих условиях крупные державы и сформировавшиеся военные блоки — Тройственный союз во главе с Германией и Антанта, ведомая Великобританией, Францией и Россией, — стремились привлечь скандинавское государство на свою сторону. В такой ситуации работа Мальцана приобретала для Второго рейха стратегическое значение [Ibid.: 43].

Во время работы в Кристиании (название столицы Норвегии с 1877 до 1925 года) начало проявляться еще одно качество Мальцана, которое будет сопровождать его на протяжении всей дипломатической карьеры, — стремление к максимальной осведомленности обо всех внутренних делах страны пребывания. В Норвегии дипломат научился разбираться в расстановке политических сил в местном парламенте — стортинге, в настроениях общества и членов правительства. Пожалуй, именно в «норвежский период» сформировалась базовая установка Мальцана как профессионального дипломата — отрицание идеализма, слепого энтузиазма и грубой пропаганды. Он не желал, чтобы

абстрактные политические идеи определяли ведущую линию внешней политики его страны [Ibid.: 45].

Новым этапом в дипломатической карьере Мальцана стала работа в Пекине, куда его направили в 1912 году. Ситуация в стране была сложной. После Синьхайской революции 1911 года, свергнувшей империю Цин, в Китае начался период политического хаоса. В этих непростых условиях Мальцан вновь показал себя грамотным дипломатом. Он стал выжидать, попутно налаживая связи с новой китайской элитой [Ibid.: 56]. Мальцан не вмешивался в назревающее в Китае гражданское противостояние, акцентируя внимание на налаживании экономических связей. Именно с «пекинского периода» еще одной особенностью дипломатической работы Мальцана становится маневрирование в условиях противостояния нескольких политических сил. Старания нашего героя оценили в Пекине. В итоге он заручился расположением президента Китая Юань Шикая [Ibid.: 62].

В годы Первой мировой войны

В Пекине Мальцана застало начало Первой мировой войны. Дипломат не впал, как многие его коллеги, в патриотическую истерию и в практической работе сосредоточился на нейтрализации Дальнего Востока, чтобы изолировать данный регион от кровавых боев, которые развернулись в Европе. Осознавая слабость позиций кайзеровской Германии в Азии, А. фон Мальцан предложил своему правительству пойти на уступки Китаю. В частности, в вопросе о территориях, поскольку Пекин крайне болезненно реагировал на расчленение страны Великобританией, Францией, Россией и Германией на зоны влияния, произведенное в конце XIX века, и на территориальные потери, понесенные в войне с Японией. Однако предложения Мальцана Берлин в очередной раз «не услышал» [Ibid.: 67]. В германском МИДе требовали от дипломата не продуктивной работы по умиротворению региона, а, наоборот, подрывной деятельности, направленной против Японии, выступившей на стороне Антанты. Мальцана призывали не допустить глубокого втягивания этой страны в боевые действия на европейском континенте путем отвлечения ее внимания на Китай, в котором немецкий дипломат должен разжигать антияпонские настроения. Полученные инструкции убедили

Мальцана в том, что его правительство совершенно оторвалось от реальности. Позже данные настроения только укреплялись. В итоге Мальцан пришел к выводу, что у его правительства, как, впрочем, и у среднего обывателя Германии, отсутствует внешне-политический реализм [Ibid.: 75]. Разочарование в курсе кайзеровской империи шло параллельно с укреплением его англофильских воззрений.

В 1917 года Мальцана перевели сначала на должность представителя министерства иностранных дел при главнокомандующем войсками Второго рейха на Востоке, а в конце года отправили в Гаагу. Находясь в нейтральной Голландии, Мальцан пришел к убеждению, что Германия войну проиграет. Он начал прикладывать усилия к тому, чтобы минимизировать последствия грядущего поражения. Дипломат всеми силами удерживал Голландию от объявления войны Германии, а также вступил в конфликт с популярным в милитаристской среде Эрихом Людендорфом, одним из командующих немецкой армией [Ibid.: 95].

На советском направлении в 1918—1921 годах

Поражение Германии в Первой мировой войне, зафиксированное сначала в Компьенском перемирии 11 ноября 1918 года, а затем в Версальском мирном договоре от 20 июня 1919 года, погрузило страну в состояние политической разрухи и экономического кризиса. Родившаяся на месте кайзеровской империи Веймарская республика, обложенная репарациями и фактически находящаяся в международной изоляции, была вынуждена обратить свой взор на восток. Налаживание политических и экономических связей с Россией стало одной из приоритетных задач германского МИДа. Одним из активных работников на этом направлении стал Аго фон Мальцан.

В период Гражданской войны в России Мальцан, как и многие коллеги по МИДу, симпатизировал Белому движению. Однако, в отличие от остальных работников министерства, уже после провала похода войск Н. Н. Юденича на Петроград и наступления армии А. И. Деникина на Москву А. фон Мальцан осознал, что советское правительство продержится минимум еще несколько лет. Для этого дипломата, несмотря на симпатии к белогвардейцам, реальность была важнее личных убеждений.

Исходя из этого положения, его можно отнести к представителям бисмарковской реальной политики, но в менее грубом виде [Debo, 1992: 301].

С 1919 года Мальцан стал убеждать коллег в том, что советская власть достаточно крепка и с ней можно и нужно налаживать экономические связи. Параллельно с пропагандой «русской линии» внутри Германии, Мальцан стал налаживать связь с «полулегальным полпредом» РСФСР в Берлине Виктором Леонтьевичем Коппом, который обосновался в Веймарской республике с конца лета 1919 года. Хотя большевистский представитель в совершенстве знал немецкий, Мальцану при общении с ним не помешали базовые знания русского языка, которые он приобрел во время недолгой командировки в Санкт-Петербург в 1911 году [Joerges, 2005: 52].

Будучи профессионалом, Мальцан, избрав линию на сближение с Москвой, решил, прежде всего, устранить юридические барьеры на этом пути. Он поручил юридическому отделу МИДа провести экспертизу и определить настоящий статус отношений Германии и России. В итоге получил следующее заключение: «Мы находимся в состоянии прерванных дипломатических отношений, не оформленных договором, но не в состоянии войны». Это означало, что ни де-факто, ни де-юре препятствий к налаживанию отношений Веймарской республики с Советской Россией не было.

Для того чтобы склонить на свою сторону правящую верхушку, Мальцан приводил весомые аргументы. Главный из них — экономический. В своих отчетах дипломат выставил экономическое положение России в позитивном свете, убеждая промышленные и торговые круги в перспективности отношений с новой российской властью. На руку немцу играла введенная большевиками в 1921 году Новая экономическая политика, которая порождала надежды на встраивание российской экономики в общеевропейскую через внедрение рыночных механизмов и привлечение иностранного капитала. Для Германии сотрудничество с РСФСР, в условиях потери индустриально развитых Силезии, Эльзаса и Лотарингии, а также всего Саарского угольного бассейна, перешедшего под управление Лиги Наций, становилось одним из немногих перспективных направлений для возрождения промышленности [Ключников, 1925: 29].

С целью укрепить свои позиции в среде деловых людей и политиков Германии Мальцан отправил в Россию экономического эксперта Карла Граапа. В составленном им отчете НЭП был показан как первый шаг на пути устранения коммунистических радикалов от власти и возвращения на руководящие роли прагматически мыслящих буржуазных предпринимателей [Белковец, 2013]

Мальцан на встречах с германскими капитанами индустрии и политиками указывал также на общие внешнеполитические интересы Берлина и Москвы. Прежде всего, на необходимость противостояния Польше. Вторая Речь Посполитая, возрожденной после Первой мировой войны, опираясь на Версальский договор и имея поддержку Антанты, развернула экспансионистскую политику в направлении германских Силезии и Восточной Пруссии, а также бывших территорий Российской империи — Украины, Белоруссии и Литвы. «Польский фактор» подталкивал Берлин и Москву навстречу друг другу [Черноперов, 2007: 251, 427].

Еще одним фактором сближения оставалась репрессивная политика Антанты [Debo, 1992: 340]. Франко-бельгийские войска в марте 1921 года под предлогом невыполнения репарационных обязательств оккупировали города Дюссельдорф и Дуйсбург, а также ряд других территорий, что создало плацдарм для захвата всего Рурского промышленного бассейна

Политика Антанты и Польши способствовала оформлению в германской элите группы реваншистских настроенных деятелей. В нее входили консервативные военные, представители тяжелой оборонной промышленности и финансового капитала. Окончательно группа сложилась после Третьего восстания польских сепаратистов в Силезии в мае 1921 года. Главной целью вышеуказанного союза являлось уничтожение Польши, унижение Франции и возвращение германских границ 1914 года. И на этом основании они готовы были найти точки сопряжения с большевиками. Большевики, в свою очередь, были готовы использовать эти настроения в своих целях, в том числе для революционизирования Германии [см.: Черноперов, 2012].

Мальцан не выступил против германских реваншистов, поскольку их линия отчасти совпадала с его стремлением сблизиться с РСФСР. При этом, конечно, он не стремился к военному союзу с Москвой против Антанты [Fleischhauer, 2006: 375]. Его

интересовали дипломатические и экономические вопросы. И на этом основании он нашел «собрата по оружию» — Йозефа Вирта, избранного в мае 1921 года рейхсканцлером Веймарской республики. Вместе они, не афишируя свои планы, начали методично воплощать в жизнь политику, нацеленную на заключение германо-советского соглашения: тайно встречались с неофициальными советскими представителями, готовили нужные документы и уничтожали ненужные [Ibid.: 374].

Активная работа А. фон Мальцана дала плоды. Воспользовавшись тем, что Великобритания подписала с большевиками торговое соглашение в марте 1921 года, 6 мая того же года Германия подписала временный торговый договор с Советской Россией. Берлин признал Москву де-факто. Договор стал первой ступенью в налаживании нормальных отношений между странами. Мальцан, чтобы минимизировать угрозу срыва соглашения, дал понять оппонентам внутри Германии, что условия договора с большевиками были согласованы с Лондоном и никогда не выйдут за рамки английских ограничений [Joeres, 2005: 216].

В связи с последним фактом стоит отметить, что Аго фон Мальцан в своей внешней политике стремился отказаться от старых имперских правил в отношениях с Россией и выработать в ходе переговоров новые, на которых и будут строиться дальнейшие связи. Именно в данный период выработался его внешнеполитический курс для послевоенной Германии — налаживание прочных связей с Советской Россией с опорой на Англию и дистанцирование от Франции [Ibid.: 224].

Мальцана серьезно беспокоила возможность франко-советского сближения [Ibid.: 254]. Слухи о якобы готовящемся договоре Парижа с Москвой распространял известный большевистский политик Карл Радек. Мальцан ему не доверял и усмотрел за слухами политику большевистского шантажа. Однако и медлить опасался. В итоге Мальцан принял дополнительные усилия по поиску союзников — как в Германии, так и в России — в деле заключения полномасштабного договора с РСФСР. Отслеживая пронемецкие настроения в Советской России, он пришел к убеждению, что его линию разделяют некоторые влиятельные в Москве крупные партийные деятели, такие как член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Революционного военного

совета и нарком по военным и морским делам РСФСР Лев Давидович Троцкий и Николай Николаевич Крестинский — до X съезда РКП(б) 1921 года секретарь ЦК большевистской партии, которого после потери должности назначили полпредом в Германии [Ibid.: 258]. Внутри Германии позиция Мальцана нашла поддержку у могущественного Имперского союза немецких промышленности и у одного из основателей Немецкой демократической партии, министра восстановления в правительстве Й. Вирта Вальтера Ратенау [Ibid.: 274], который в феврале 1922 года занял пост главы МИДа.

«Архитектор Рапалльского договора»

А. фон Мальцан, ратуя за всесторонний договор с Москвой, увидел большой шанс в его подписании в Генуэзской конференции, открытие которой было запланировано на апрель 1922 года. И он не мог этот шанс упустить. Не отказываясь от проанглийской ориентации германской политики, этот дипломат начал форсировать проект трехсторонней встречи представителей Англии, России и Германии для согласования некой общей позиции перед конференцией [Ibid.: 265]. Эту громадную работу Мальцан развернул в одиночку, пытаясь сформировать единый фронт против премьер-министра Франции Анри Пуанкаре, выступавшего за нерушимость принципов Версальского договора.

В отношении Москвы Мальцан предусматривал заключение двух договоров: экономического — с немецкой индустрией, и политического — непосредственно с правительством. В рамках соглашения советская сторона должна была отказаться от своей доли репараций, что предусматривала статья 116 Версальского договора. Веймарская республика, в свою очередь, обязалась содействовать восстановлению разрушенной российской экономики и отказывалась от политики колонизации восточного соседа посредством вхождения в международный консорциум [Ахтамзян, 1974: 57], идею которого активно продвигали некоторые политики. Стороны отказывались также от взаимного возмещения военных расходов и погашения расходов на военнопленных, заявляли об урегулировании частных вопросов на условиях наибольшего благоприятствования.

Переговоры с Москвой в январе 1922 года большого результата, однако, не дали. Большевиков не удовлетворило, в частности, то, что проект Мальцана не подразумевал немедленного восстановления дипломатических отношений и не фиксировал отказ Берлина от прав на национализированную большевиками германскую собственность [Там же: 59].

В начале апреля 1922 г. по пути в Геную в Берлин прибыла советская делегация. Ее руководители надеялись на заключение соглашения до конференции. С немецкой стороны в переговорах участвовали Мальцан и Ратенау. Мальцан, хотя и настаивал на том, что Советская Россия должна возместить Германии убытки от национализированной собственности, был готов к компромиссам и смягчению требований. Но пойти на эти уступки самостоятельно он не мог без полной поддержки министра иностранных дел Ратенау. Глава же МИДа вместо конструктивных переговоров занимался пространными рассуждениями об общности интересов западных стран и обязательствах Германии перед Антантой, которые она не может нарушить [Там же: 62].

В результате берлинские переговоры не привели к заключению соглашения. Их итогами были недовольны не только советские дипломаты и Мальцан, но и многочисленный т. н. «про-российский хор» в Веймарской республике, включавший самых разных людей: университетских интеллектуалов, офицеров, дипломатов, бизнесменов, политиков крайне левого и крайне правого спектра. Одним из самых громких голосов в «хоре» были представители крупного промышленного и финансового капитала во главе с банкиром Паулем фон Швабахом, который желал через сближение с Советской Россией уравновесить влияние держав Запада на германский рынок [Fink, Frohn, Heideking, 1991: 58].

Итак, подписание договора было отложено до Генуэзской конференции. История заключения 16 апреля 1922 года советско-германского Рапалльского договора изучена весьма подробно, поэтому мы не будем останавливаться на всех перипетиях его подписания. Отметим лишь, что ряд исследователей отмечают ведущую роль Мальцана в склонении Ратенау к принятию этого договора. Согласно им, Мальцан пугал чрезвычайно чувствительного и нервного главу МИДа рассказами о скором заключении то франко-советского, то англо-советского договора. Ратенау

искренне стремился отстоять интересы своей страны, но ожидал уступок от западных государств и, не получая их, становился всё более раздражительным [Ibid.: 57]. Мальцан же, зная о беспочвенности рассуждений о скором подписании договора между Россией и Антантой, начал запугивать членов немецкой делегации. Он говорил, что в случае бездействия Германия окажется в полной изоляции, но можно этого избежать: «Нам нужно русское облако над Европой» [Ibid.: 59]. Позже один из коллег Мальцана охарактеризует его действия в Генуе «русским шантажом» [Ibid.: 60].

Мальцану играть на страхах немцев было сподручно, потому что в Генуе англичане не проявляли никакого интереса к переговорам с немцами, а французы открыто выражали свою враждебность. Сама германская делегация никак не могла выработать четкой программы действий, обозначить свои главные приоритеты и цели [Ibid.: 63]. Страхи у немцев особенно возросли после сообщения итальянского дипломата Джаннини об успешных переговорах русских с Антантой, ведущихся за спиной у Германии. Американский дипломат и историк Дж. Кеннан так описал состояние немцев после этих слов итальянца: «Весь вечер они мрачно сидели в вестибюле отеля в совершенном молчании. Спать они отправились в состоянии крайнего утомления и упадка духа» [Kennan, 1962: 219].

Дипломаты Веймарской республики окончательно осознали, что договор с русским — их единственный способ выхода из изоляции. 15 апреля Мальцан и Ратенау инициировали встречу с советской делегацией, на которой высказали свою озабоченность относительно слухов о контактах РСФСР с Великобританией и проявили готовность к урегулированию взаимных претензий [Белковец Л., Белковец С., 2017]. В этой нервной обстановке заведующий экономическо-правовым отделом Наркомата иностранных дел Андрей Владимирович Сабанин по телефону вновь передал немцам предложение главы НКВД Георгия Васильевича Чичерина рейхсканцлеру Й. Вирту: продолжить переговоры, начатые в Берлине по пути советской делегации в Геную [Там же].

В условиях нарастающих страхов немцев перед тем, что советские дипломаты заключат договор с англичанами и РСФСР потребует своей доли репараций, согласно Версальскому договору,

Мальцану удалось склонить главу германской делегации Ратенау к подписанию договора с большевиками. Посол Великобритании в Веймарской республике лорд Эдгард Винсент д'Абернон, пересказывая разговор с Мальцаном, описал это так: «В 2 часа 30 минут ночи Мальцан пришел к Ратенау. Последний ходил взад и вперед по комнате в пижаме, с измученным лицом и с воспаленными глазами. Когда Мальцан вошел, Ратенау сказал: “Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор?” — “Нет, известие совершенно противоположного характера”, — ответил Мальцан и передал Ратенау всю историю. Последний сказал: “Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к [руководителю делегации Великобритании] Ллойд-Джорджу, всё объясню ему и приду с ним к соглашению”. Мальцан возразил: “Это будет бесчестно. Если Вы это сделаете, я немедленно подаю в отставку...”. В конце концов Ратенау присоединился к мнению Мальцана и согласился, правда, не совсем охотно — встретиться в воскресенье [16 апреля 1922 года] с русской делегацией» [д'Абернон, 1931: 213].

Известный германский дипломат Гарри Кесслер позже констатировал, что слабый духом Ратенау, испуганный переговорами за спиной у Германии, поддался на уговоры Мальцана, который начал давить на него задолго до приезда в Италию [Kessler, 2002: 167].

16 апреля 1922 года Г. В. Чичерин с советской стороны и В. Ратенау с немецкой в предместье Генуи Рапалло подписали договор, который стал первым независимым актом дипломатии Веймарской республики. Германия признала национализацию немецкой собственности в России и аннулирование царских долгов советским правительством. Обе страны отказывались от возмещения военных расходов и возобновляли полноценные дипломатические отношения [Ахтамзян, 1974: 77].

Германская и советская стороны настаивали на мирном характере договора. Но участники конференции его не приняли. 18 апреля 1922 года правительства стран Антанты, Малой Антанты, Польши и Португалии направили немцам ноту, в которой обвинили Берлин в нелояльном поведении, в нарушении предыдущих резолюций и тайной дипломатии с Россией за спиной коллег [Кобляков, 1954: 123—125]. В Германии договор также восприняли неоднозначно. Против соглашения выступили президент

страны Фридрих Эберт, многие социал-демократы, лидер Немецкой национальной партии, будущий рейхсканцлер и министр иностранных дел Густав Штресеман, часть дипломатического корпуса. Но особое негодование по поводу детища Мальцана высказывали национал-социалисты. Сторонники Адольфа Гитлера открыто утверждали, что Рапалло — это еврейский заговор против Германии с целью установления в стране коммунистического режима [Joeres, 2005: 496].

Вирту, Мальцану и Ратенау, которые столкнулись с противодействием, пришлось отстаивать договор как перед международным сообществом, так и перед своими согражданами и коллегами. Мальцан в эти тревожные дни связался с прессой и стал раздавать многочисленные интервью, в которых разъяснял причины, которые привели делегацию к заключению договора. Главной из них он называл недоговороспособность Антанты, не желавшей идти на малейшие уступки [Ibid.: 469]. В итоге большинство немецких газет начало осторожно менять позицию в отношении договора с негативной на позитивную. Многие издания стали разъяснять читателям мотивы, которые подвигли Мальцана и его сторонников к заключению соглашения в Рапалло. В итоге в Германии договор приняли, тем более что в его поддержку высказался крупный бизнес. Сразу после подписания соглашения почти 500 владельцев и представителей крупных торговых и промышленных фирм выразили рейхсканцлеру Й. Вирту полное одобрение действиям немецкой делегации в Генуе. Они подчеркивали, что только тесное сотрудничество Германии и России поможет обеим странам восстановить свою экономическую мощь².

На международной арене большую работу в поддержку договора развернул Ратенау. Поддерживая Мальцана, он заявлял о мирном характере договора от 16 апреля и указывал европейским политикам, что Рапалло не подрывает условия и положения Версаля, что Германия не собирается перекраивать устоявшиеся после 1918 года порядки, что соглашение — это всего лишь защита от агрессивной политики Франции [Ibid.: 475].

² Советско-германские отношения. 1922—1924 гг.: документы и материалы: в 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 39.

Параллельно с обоснованием причин подписания договора и его характера Вирт, Ратенау и Мальцан начали консультации с англичанами, в которых обстоятельно разъясняли свою позицию [Ibid.: 492]. В итоге позиция Лондона постепенно начала смягчаться, а британская пресса стала наперебой нахваливать Мальцана. В создавшихся условиях немецкий дипломат, желая укрепить свое положение в глазах англичан, подготовил специальный документ, где подробно описал произошедшие в Генуе события. Помимо этого, Мальцан как последовательный легист обратился к итальянским и английским юристам с просьбой проверить Рапалльский договор на соответствие принципам Версаля. Проведенный ими анализ текста показал, что договор с Москвой не нарушает никаких международных норм [Ibid.: 505].

Решительные и согласованные действия Мальцана, Вирта и Ратенау в итоге привели к тому, что отношение к Рапалло в Европе стало сдержанным и даже сдержанно-положительным. Внутри Германии договор был оценен как отстаивание независимости молодой республики. Даже Г. Штресеман, изначально негативно настроенный по отношению к соглашению с Советской Россией, под общественным давлением принял его [Ibid.: 493]. Позже некоторые исследователи за роль А. фон Мальцана в подписании договора Германии с РСФСР назовут этого дипломата «архитектором Рапалло».

Участие в германо-советском конфликте 1924 года

Во второй половине 1922 года выяснилось, что соглашение в Рапалло оказалось крайне переоценено подписантами. Оно не стало быстрым стартом нового этапа советско-германских отношений. В Москве об этом открыто говорил нарком внешней торговли Л. Б. Красин. По его мнению, соглашение не оказало благоприятного влияния на двустороннюю торговлю [Ibid.: 587]. В рейхстаге Германии об отсутствии перспектив у договора с РСФСР заявляли лидеры ведущих партий страны — СДПГ, НСДПГ и партии Центра. [Ibid.: 568]. Немцы были не удовлетворены не только экономическим взаимодействием. Их раздражала нарастающая коммунистическая пропаганда и подрывная деятельность местных коммунистов, за которой стоял Коминтерн со штаб-квартирой в столице большевистского государства [Ibid.: 567]. Немецкие политики стали воспринимать данный факт

как лицемерие советских представителей, не желавших реально выполнять условия соглашения. В итоге в публичной сфере Веймарской республики появились утверждения: «Рапалло — дерево без плодов» [Ibid.: 577].

Для А. фон Мальцана вмешательство большевиков в дела его страны не было новостью. Он, будучи антикоммунистом, протестовал против подобных действий еще в 1921 году [Черноперов, 2007: 411], однако считал сохранение отношений с советским государством важным для Германии. Эта позиция отчетливо проявилась во время конфликта вокруг торгового представительства СССР в Берлине, который разгорелся 3 мая 1924 года. В этот день германская полиция провела несанкционированный обыск в советском торгпредстве. Российские и иностранные исследователи сходятся во мнении, что причиной несанкционированной полицейской акции стало сопротивление, которые оказали работники торгпредства двум германским стражам порядка, преследовавшим коммуниста Боценгардта, бежавшего из-под стражи и укрывшегося в огромном здании советской миссии по адресу Линденштрассе 20/25. Серьезности ситуации придавал и тот факт, что Боценгардт был не обычным преступником. Он обвинялся в государственной измене и нарушении закона о хранении взрывчатых веществ [Rosenbaum, 1965: 88]. Вскоре на место инцидента прибыло полицейское подкрепление. Представители МВД Германии бесцеремонно начали обыскивать здание, не обращая внимания на принцип экстерриториальности. Попытку работников торгпредства СССР связаться с полномочным представителем СССР в Германии Н. Н. Крестинским полиция решительно пресекла [Черноперов: 2007: 566].

В конфликт с немецкой стороны включились глава МИДа Густав Штреземан и статс-секретарь министерства Аго фон Мальцан. Они стали пресекать распространение информации об обнаруженных в торгпредстве политических листовках и образцах вооружений, которые попали в него вследствие секретного германо-советского военного сотрудничества. Занялись они также освобождением задержанных сотрудников торгпредства [Там же: 571]. Действия Штреземана и Мальцана поддержали бывший канцлер Йозеф Вирт и еще порядка 600 влиятельных сторонников рапальской политики [Там же: 572].

Мальцан, по всей видимости, изначально воспринимал рассматриваемый инцидент как «супружеские разногласия», возложив вину на обе стороны конфликта. Он считал, что полиция нарушила закон не тем, что провела обыск, а тем, что не проинформировала о своих планах министерство иностранных дел [Rosenbaum, 1965: 91]. Мальцан был изначально согласен на компромисс, и до окончательного определения статуса советской миссии он от лица германского МИДа де-факто предоставил торгпредству экстерриториальность. Среди коллег позиция статс-секретаря получила одобрение. Это объясняется тем, что часть дипломатического корпуса Веймарской республики, включая посла в СССР Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, опасалась, что Москва на фоне охлаждения отношений с Берлином начнет сближаться с Парижем [Ibid.: 94].

Исследователи, обращавшиеся к конфликту 1924 года, показали, что разрешить проблему удалось только летом, когда в Берлин прибыл член коллегии НКВД В. Л. Копп. Вместе с Мальцаном они провели продуктивные переговоры, по итогам которых появился проект согласительного договора. Этот документ носил компромиссный характер. Германское правительство признавало экстерриториальный статус той части здания, где находилось советское торгпредство. Полицейская акция подлежала осуждению, а правительство Веймарской республики должно было выразить готовность к возмещению ущерба, причиненного в ходе обыска [Черноперов, 2007: 582]. Советская сторона обязывалась в случае доказательства факта содействия работниками торгпредства бегству Боценгардта осудить подобное поведение. Вне экстерриториальности оставалась та часть здания, где были советские структуры, не относящиеся напрямую к руководству торгпредства. Кроме того, работникам торгпредства впредь строго запрещалось вмешиваться в политическую жизнь Германии [Там же: 585].

Компромиссный проект Коппа—Мальцана вызвал крайнее недовольство представителей Народного комиссариата внешней торговли во главе с Л. Б. Красиным. Свою позицию руководитель НКВТ обозначал следующим образом: «Иначе как насмешкой нельзя назвать предложение наклеить ярлыки на дверях нескольких комнат торгпредства, оставляя свободными для налетов

полиции регистратуру, шифровальное отделение, бухгалтерию, отдел военных заказов, концессионный отдел, отдел хлебный и целый ряд других помещений, в которых ведется работа и хранятся документы по нашей плановой торговле, сведения о всех наших закупках, отношениях с поставщиками, корреспонденция с Москвой и другими торгпредствами и т. д.» (Цит. по: [Там же: 587]).

Возмущенный глава НКВТ и сотрудники его наркомата развернули провокационную кампанию, дискредитирующую Коппа и Мальцана [Черноперов, 2005: 267—273]. Прения продолжались до конца июля 1924 г. В результате с небольшими поправками был принят проект Коппа—Мальцана [Там же: 274]. Протесты Красина, апеллировавшего к НКВД и Политбюро ЦК РКП(б), результатов не принесли. Веймарская республика и СССР нашли компромисс, центральную роль в котором сыграли сторонники взаимовыгодного сотрудничества Мальцан и Копп. Переговоры между ними не только привели к урегулированию противостояния между государствами, но и заложили основу для более тесного взаимодействия двух стран [Rosenbaum, 1965: 112].

История с конфликтом вокруг советского торгпредства в Берлине подводила черту под работой Аго фон Мальцана на восточном направлении. Уже в конце 1924 года он был назначен послом в Вашингтон, где занимался укреплением германо-американских культурных связей. «Архитектор Рапалло» трагически погиб 23 сентября 1927 года во время визита на родину. Самолет, в котором он находился, потерпел крушение по пути из Берлина в Мюнхен. Мальцана похоронили в родовом поместье Гроссен-Луцкове. По словам госсекретаря США Фрэнка Келлога, в небе над Тюрингией погиб «один из самых выдающихся дипломатов Германии» [Stent, 1927].

Заключение

Подводя итоги, можно отметить следующее. Профессиональный путь Аго фон Мальцана был поистине ярким примером успешной дипломатической карьеры. Успев поработать на нескольких континентах, Мальцан везде смог проявить себя как осматрительный, умный и хорошо организованный профессионал.

В период с 1906 по 1918 год А. фон Мальцан вел дипломатическую деятельность в Бразилии, Норвегии, Китае. Именно в данный период формируются основные принципы его дипломатической работы: прагматизм, реализм, неприятие фанатизма и милитаризма.

Работая на российском (восточном) направлении с 1918 по 1921 год, Мальцан установил тесные связи с рядом представителей Советской России. Особо близкие профессиональные отношения сложились у него с Виктором Коппом. Лоббируя расширение отношений с Москвой, он заручился поддержкой части германской элиты, желавшей восстановить экономические связи с Россией. Добившись этого результата, Мальцан приступил к подготовке договора с большевиками о взаимном дипломатическом признании. Генуэзская конференция предоставила для этого большой шанс.

Германская делегация, прибыв на этот форум, столкнулась с пренебрежением со стороны западных стран, что способствовало реализации плана Мальцана. Надавив на своего непосредственного начальника — главу МИД Вальтера Ратенау, Мальцан убедил последнего в необходимости более интенсивных переговоров с советской делегацией. Итогом стало заключение 16 апреля 1922 года Рапалльского договора, по которому между Веймарской республикой и Советской Россией устанавливались дипломатические отношения.

После подписания договора Мальцан продолжил свою работу на восточном направлении, развивал и укреплял двусторонние германо-советские связи, решал возникавшие дипломатические конфликты. Ярким примером стало его участие в разрешении конфликта вокруг советского торгпредства в 1924 году. Вторжение германской полиции на территорию советского торгпредства стало основанием для серьезного кризиса двусторонних отношений. Лишь совместная деятельность Мальцана и Коппа позволила предотвратить разрастание конфликта. Общими усилиями они смогли сломить сопротивление радикалов с обеих сторон и принять проект Коппа — Мальцана, который положил конец разрастающемуся кризису.

Список источников

- Ахтамзян А. А.* Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 годах. М.: Междунар. отношения, 1974. 304 с.
- Белковец Л. П.* Через «гордость и предубеждение». Граф Брокдорф-Ранцау и установление советско-германских дипломатических отношений // Юридические исследования. 2013. № 12. С. 35—94. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.12.1001 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10016 (дата обращения: 09.09.2024).

- Белковец Л. П., Белковец С. В.* Пять лет «красной дипломатии». Советская Россия на международной конференции в Генуе // *Международные отношения*. 2017. № 2. С. 60—88. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19382 (дата обращения: 09.09.2024).
- д'Абернон В. Э.* Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона (Берлин 1920—1926). Т. 1: От Спа (1920) до Рапалл (1922) / пер. Н. М. Сегал; предисл. Б. Ш. М.: Соцэкгиз, 1931. 215 с.
- Ключников Ю. В.* Версальский мирный договор / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Изд.-во Литиздата НКВД, 1925. 198 с.
- Кобляков И. К.* От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М.: Госполитиздат, 1954. 252 с.
- Ушаков В. Б.* Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М.: Изд.-во ИМО, 1958. 158 с.
- Черноперов В. Л.* Противоборство «дипломатов ленинской школы» во время советско-германского конфликта 1924 года // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Т. VII. Вып. 26. С. 254—274.
- Черноперов В. Л.* Дипломат В. Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии: 1919—1924 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2007. 777 с.
- Debo R. K.* Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918—1921. Montreal: McGill-Queen's Press — MQUP, 1992. 520 p.
- Chernoperov V. L.* Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2012. Vol. 60, № 4. S. 529—554.
- Fink C., Frohn A., Heideking J.* Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 276 p.
- Fleischhauer E. I.* Rathenau in Rapallo // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2006. Vol. 54, № 3. S. 365—415.
- Joeres N.* Der Architekt von Rapallo. Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik: Ph. D. dissertation. Heidelberg, 2005. 662 S.
- Kennan G. F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1961. 411 p.
- Kessler H.* Berlin in Lights: The Diaries of Count Harry Kessler (1918—1937). N. Y.: Grove Press, 2002. 535 p.
- Rosenbaum K.* Community of Fate; German-Soviet Diplomatic Relations, 1922—1928. N. Y.: Syracuse University Press, 1965. 325 p.
- Stent V.* Von Maltzan death stirs Washington: Coolidge and Kellogg Send Messages of Condolence to Germany and Widow // *The Journal of commerce and commercial*. 1927. 24 September.

References

- Akhtamzian, A. A. (1974), *Rapall'skaia politika. Sovetsko-germanskie diplomaticheskie otnosheniia v 1922—1932 godakh* [Rapallo Policy. Soviet-German Diplomatic Relations in 1922—1932], Mezhdunarodnye otnosheniia, Moscow, Russia.
- Belkovets, L. P. (2013), 'Through "pride and prejudice". Count Brockdorff-Rantzau and the establishment of Soviet-German diplomatic relations, *Iuridicheskie issledovaniia* [Legal studies], no. 12: 35—94, doi. 10.7256/2305-9699.2013.12.1001, available at: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=10016&nb=1 (Accessed 9 May 2023).
- Belkovets, L. P. and Belkovets, S. V. (2017), 'Five years of "red diplomacy". Soviet Russia at the international conference in Genoa, *Mezhdunarodnye otnosheniia* [International Affairs], no. 2.: 60—88, available at: [https:// nbpublish.com/library_read_article.php?id=19382](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19382) (Accessed 9 May 2023).
- Chernoperov, V. L. (2005), 'Confrontation of "Diplomats of the Leninist School" during the Soviet-German Conflict of 1924, *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], vol. VII, iss. 26: 254—274.
- Chernopov, V. L. (2007) *Diplomat V. L. Kopp i ego rol' v formirovanii sovetskoj politiki v otnoshenii Germanii: 1919—1924 gg.* [Diplomat V. L. Kopp and his role in the formation of Soviet policy towards Germany: 1919—1924], D. Sc. (History), Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo, N. Novgorod, Russia.
- Chernoperov, V. L. (2012), 'Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, vol. 60, no. 4: 529—554.
- d'Abernon, V. E. (1931), *Posol mira. Stranitsy iz dnevnika lorda d'Abernona (Berlin 1920—1926), m. 1: Ot Spa (1920) do Rapall (1922)* [Ambassador of Peace. Pages from the diary of Lord d'Abernon (Berlin 1920—1926), vol. 1: From Spa (1920) to Rapall (1922)], Translation by Segal, N. M.; preface by B. S., Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Debo, R. K. (1992), *Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918—1921*, McGill-Queen's Press — MQUP, Montreal, Canada.
- Fink, C., Frohn, A. and Heideking, J. (1991), *Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fleischhauer, E. I. (2006), 'Rathenau in Rapallo', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, vol. 54, no. 3: 365—415.
- Joeres N. *Der Architekt von Rapallo. Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik*. Ph. D. (Political science) Thesis, Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, Heidelberg, Germany.

- Kennan, G. F. (1961). *Russia and the West under Lenin and Stalin*, Little, Brown and Company, Boston; Toronto, MA, Canada.
- Kessler, H. (2002), *Berlin in Lights: The Diaries of Count Harry Kessler (1918—1937)*, Grove Press, New York, N. Y.
- Klyuchnikov, Yu. V. (1925), *Versal'skii mirnyi dogovor* [The Treaty of Versailles], Translation by Klyuchnikov, Yu. V. and Sabanin, A., Izdanie literaturnogo izdatel'stva NKID, Moscow, Russia.
- Koblyakov, I. K. (1954), *Ot Bresta do Rapallo. Ocherki istorii sovetsko-germanskikh otnoshenii s 1918 po 1922 g.* [From Brest to Rapallo. Essays on the History of Soviet-German Relations from 1918 to 1922], Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Rosenbaum, K. (1965), *Community of Fate; German-Soviet Diplomatic Relations, 1922—1928*, Syracuse University Press, New York, N. Y.
- Stent, V. (1927), 'Von Maltzan death stirs Washington: Coolidge and Kellogg Send Messages of Condolence to Germany and Widow', *The Journal of commerce and commercial*, 24 September.
- Ushakov, V. B. (1958), *Vneshniaia politika Germanii v period Veimarskoi Respubliki* [Foreign Policy of Germany during the Weimar Republic], Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

С. П. Хрулев — аспирант, кафедры всеобщей истории и международных отношений. Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

S. P. Khrulev — Postgraduate Student, Department of general History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.